ЛИДИЯ ЧУКОВСКАЯ

ПО ЭТУ СТОРОНУ СМЕРТИ

(ИЗ ДНЕВНИКА 1936-1976)

YMCA-PRESS

ЛИДИЯ ЧУКОВСКАЯ

ПО ЭТУ СТОРОНУ СМЕРТИ

(ИЗ ДНЕВНИКА 1936-1976)

YMCA - PRESS

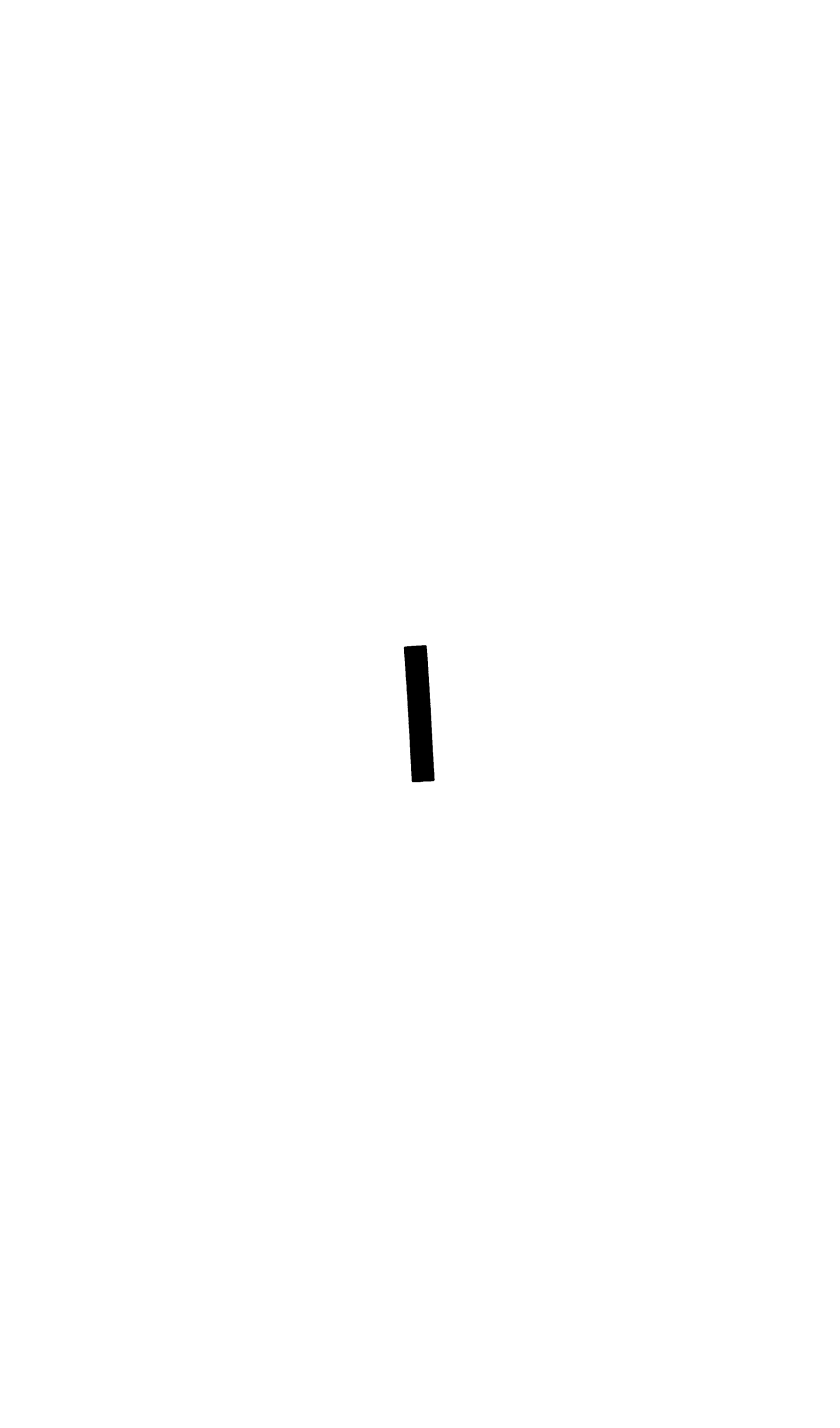
11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève - 75005 PARIS

YMCA-PRESS, 1978.

"Припомнить жизнь и

ей взглянуть в лицо."

Борис Пастернак

[redacted]

Подумай, оно за домами.
Так близко. Один поворот!
Со мной и с тобой, вместе с нами,
Оно вместе с нами живет.

И плачет, и песни поет.

Ленинград
1936

...А то во сне придет и сядет
Тихонько над столом моим.
Страницы бережно разгладит
Узорным ножиком своим.
Себе навстречу улыбнется.
То к полкам книжным подойдет,
То снова над столом нагнется,
Очки протрет, перо возьмет...
И я проснусь, похолодею,
В пустую брошенная тьму.
Никак тебя не одолею -
Сердцебиенье не уйму.

1938

Чтобы ты не проснулась, когда разразится звонок,
Я готова на каторге стыть и стонать необъятные сроки.
Только б глаз не открыла ты. Спи, повернись на бочок.
Только б шею мою не обвили любимые руки.

1938

Я пустынной Москвою
Прохожу одиноко,
Вспоминаю и жду.
Мы любили с тобою
Чаши, полные света,
Что в Охотном ряду.
Если б силою тайной
Этот жаркий напиток
Обжигаясь хлебнуть.
Чтоб в улыбке случайной
Тот почудился вечер,
Тот, оконченный, путь.

июнь, 1939

ОТВЕТ

Л.А.

Неправда, не застлан слезами!
В слезах обостряется взгляд.
И зорче мы видим глазами,
Когда на них слезы горят.
Не стану ни слушать, ни спорить.
Живи в темноте, - но не смей
Бессмысленным словом позорить
Заплаканной правды моей.
А впрочем она не заметит
Поешь ли ты иль не поешь.
Спокойным забвением встретит
Твою громогласную ложь.

1940

Вот и кончился отдых. Опять я в миру, на ветру.
В бездорожном пути.
Снова жадная жизнь затевает двойную игру.
Не спастись - не уйти.

Чем попотчует нынче? Какое еще поднесет
Неизвестное блюдо с приправой родной клеветы?
В чьем бреду окровавленном и кого оболжет и сожрет?
Как названье грядущей беды?

Впрочем, может быть лучше не спрашивать, лучше не знать.
Нам ли с будущим ведаться! Лучше я свет погашу.
Мне бы только уснуть, только б спать.
Спать иди, мое завтра! Я подушкой тебя придушу.

1940

Г.Е.

О прислушайся, друг мой, и ты в тишине различишь
Отдаленное уханье, грохот немой канонады.
Это немцы вступают без выстрела в падший Париж.
В черной совести нашей небывшие рвутся снаряды.

Видишь - родину родин они распинают в огне.
Слышишь - юнкерсам сдались небесные гордые дали,
Чтобы тех площадей, что любили мы видеть во сне,
Мы - рабы, мы - лжецы никогда наяву не видали.

июнь, 1940

Нам слово гибель, узкое и злое,
Превычней слов: письмо, береза, дом.
Оно свое, оно как хлеб родное:
Ведь запросто мы с гибелью живем.

Надеешься еще? Оставь, не лги.
Возлюбленный погиб, Париж погиб.

1940

На таком пути, пути высоком
Зорком, щедром - счастью не бывать...
И ему, не будучи пророком,
Можно было гибель предсказать.
Но, казалось, он вот-вот увидит
То, что увидать он послан был.
На простор с добычей славной выйдет
И у ног положит и расскажет...

Нет, под мертвой пулей мертвый ляжет,
Чтоб не видел и не говорил.

1940

Консервы на углу давали.
Мальчишки путались в ногах.
Неправду рупоры орали.
Пыль оседала на губах.

Я шла к Неве припомнить ночи,
Проплаканные у реки.
Твоей гробнице глянуть в очи,
Измерить глубину тоски.

О, как сегодня глубока
Моя река, моя тоска!

...Нева! Скажи в конце-концов
Куда ты дела мертвецов?

1940

Опять уходит за порог
Мое дитя, мое живое счастье,
В открытый мир, в зловещий топот ног,
Под пули, в голод и ненастье.
Я не хочу в который раз познать,
В который раз! всю злую власть бесчинства.
В слезах озлобленных проклясть опять
Бессилье мысли, тщетность материнства.

1940

И вот наступило молчанье.
И снова рекой потекло,
Как будто второе дыханье,
От рук твоих это тепло.
Отдать им грехи и потери
И слезы ночные отдать?
Но юности нет, чтобы верить.
И жалости нет, чтобы лгать.

апрель, 1941

Будто бы под наркозом
/Мир, как тогда, невесом/
Вижу, вижу сквозь слезы
Сбывшийся дурной сон.

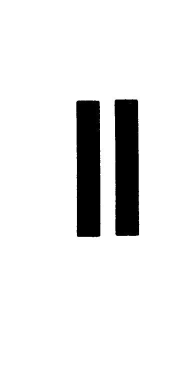
Жарких твоих заборов
Засиженный мухами ад.
Пьяных твоих разговоров
Охотнорядский яд.

Я не могу очнуться –
Чи́стополь, Чистопо́ль.
Не в Каму ли окунуться,
Чтоб заморозить боль?

Какая-то ахинея.
Я теплюсь едва-едва.
Мертвея и цепенея.
При чем же тут Кама? Нева!

Чистополь
сентябрь, 1941

Н.Д.

"Я рад, что Вы еще в тепле",
Мне друг мой написал.
Теперь мой друг лежит в земле
И как мне холодно в тепле -
Когда б он знал...

1941

И теми глазами,
Которые видели море, Сенат и тебя -
Устало слежу за горами, песками, орлами,
За розовыми, пышно-взбитыми облаками.

Чужбина...

Ну что ж, поживем, ничего не любя.

Эшелон "Казань-Ташкент"
3 ноября 1941

Как страшно, есть еще живые.
Руками машут, говорят,
Большие, шумные такие
И не лежат и не молчат.
Цел мостик, речка вольно плещет,
Туман, где хочет, там плывет.
И не от ужаса трепещет -
От ветра - тополь у ворот.

декабрь, 1941

На чужой земле умереть легко.
Чужая земля не держит.
Ни в окне огоньком, ни во ржи васильком,
Ни памятью, ни надеждой.

Только жить нельзя на чужой земле.
Недаром она чужая.
Звездами, как дитя, разыгралась во мгле,
О горе твоем не зная.

январь, 1942

Ташкентские розы в кокетливо-хрупком снегу.
Минутной зимы ледяные блестят небылицы.
Но я на красивое больше смотреть не могу.
Кощунственна эта лазурь, лепестки и ресницы!

январь, 1942

Я никогда не вернусь домой.
Никогда. Ни за что на свете.
Снова увидеть город мой
После всего, что случилось с тобой,
И с ним. Видеть стены эти...

Я никогда не вернусь домой -
При жизни. Но из могилы -
Мертвая, равная, в город мой
Я притащусь к двери родной
Воздух целуя милый.

март, 1942

Застигнута песней военной
Иду я, не зная куда.
Чей профиль, чей образ бесценный
Сверкнул в незнакомых рядах?

И хлынули слезы ручьями,
И на сердце так гоячо,
Как будто вот там, под ремнями,
Твое закачалось плечо.

март, 1942

Уже ни о чем на свете
Пожалуй, нельзя говорить.
Уже обо всем на свете
Следует помолчать.
Это счастливые люди
С горя могли пить
Или кричать от боли
Или стихами стонать.

май, 1942

Говорливых ручьев, тополей, тополей в этом городе много.
Он и розами весь, он и звездами ярко зарос.
Тенями разубрана светлая вьется дорога
И родины дальней и юности жалко до слез.

июнь, 1942

Оно ведь с тобою, твое безысходное счастье.
Его синевою и полночь чужая горит.
И бьется и дышит оно сквозь беду и ненастье.
Оно неприступно. Оно Ленинградом стоит.

январь, 1943

Вишни все в цвету. Весна.

Ах, такие молодые
И уже совсем седые
Эти вишни у окна.

Не весна. Война.

апрель, 1943·

БЕССМЕРТЬЕ

I

И снова карточка твоя
Колдует на столе.
Как долго дружен ты со мной,
Ты, отданный земле.
Уж сколько раз звала я смерть
В холодное жилье.
Но мне мешает умереть
Бессмертие твое.

II

Ты нищих шлешь, но и они немеют.
Молчат под окнами молчанием казня.
И о тебе мне рассказать не смеют
И молча хлеба просят у меня.

июнь, 1943

Но пока я туда не войду,
Я покоя нигде не найду.

А когда я войду туда -
Вся из камня войду, изо льда -

Твой фонарик, тот, заводной,
Ключик твой от двери входной,

Тень от тени твоей, луч луча -
Под кровавой пятой сургуча.

июнь, 1943

ОСЕНЬ

Только все совершив, что положено
Совершить на земле под луной,
Можно ласково так, бестревожно,
Щедро так отходить на покой.

Тишину охраняет снотворная,
Золотая арыков молва.
И стоит над землей лучезарная,
Над горами склоненная, добрая,
Утешительница синева.

Но ни памяти, ни суровости,
Не зажить, не смягчиться в тепле.
Детским почерком страшные новости
Пишут тени на светлой земле,

Словно письма оттуда... И пыльные
Так зловеще молчат тополя,
Словно памятники надмогильные
Впрок воздвигла и эта земля.

август-сентябрь, 1943

ОТРЫВКИ

I

Они тогда еще живыми были,
Те мальчики, те сверстники мои.
Их навсегда еще не разбудили.
По улицам немым не провели.
И мы тогда еще живыми были.
Не вдовами, не совами в ночи.
Тогда еще нас не приворожили
Бессонных окон желтые лучи.
Мы, кажется, тогда живыми были...
Но что же ты? о чем ты? замолчи.
Пиши о детстве, если ты не хочешь
Свихнуть с ума. Не то смотри - вот-вот,
Подпрыгнешь ты, заблеешь, захохочешь,
Заплачешь в голос и махнешь в пролет.
Лицом в слезах о каменные плиты,
Как помнишь Гаршин - бедный, дорогой -
Не камнями, но казнями убитый, -
Лицом в слезах о камни мостовой.
Пиши о детстве. "Ковш душевной глуби"
Прижми к губам и медленно тяни
Сквозь немотой обугленные губы,
Студеные, все в невских льдинках, дни.

II

Мы были во второй ступени.
Был пуст и ветрен город наш.
Грязцой обросшие ступени
Нас приводили в Эрмитаж.
Под черной пяткой великана -
Не пятка, мощная скала -
Стрелой зеленой, стойко, прямо,
Травинка нежная росла.
Плечами двери отворяли,
В потемках пялили глаза,
И вот в огромном тихом зале,
Уже стихают голоса.
Мы на картины не смотрели.
Мы плохо разбирались в них.
Мы на диванчиках сидели
Под строгим взглядом сторожих.
Смешны нам были: связки зайцев,
Младенцев щеки, шлейфы дам,
Прозрачность длинных тонких пальцев...
/"Так не бывает никогда"/.
Что с нас возьмешь? Мы были дети.
Ведь только что, вон там, внизу,
Во дворике возле мечети

Мы собирали бирюзу.
И здесь нам нравились: карнизы,
И позолота на дверях,
Паркеты, зеркала и вазы,
Тарелки в птицах и цветах.
Но что-то медленно сочилось,
Учило думать и гадать,
Оказанное нам, как милость,
Сошедшее, как благодать.
Я помню день, минуту даже,
Хоть года и не назову:
От Леонардо, в Эрмитаже,
Я вдруг увидела Неву.
Она была в суровой раме
Окна. Она была не та,
Что только что шумела с нами
Плюясь и пенясь у моста.
Рекою Пушкина и Блока,
Гравюрой, образом судьбы,
Она раскинулась широко,
Поеживаясь одиноко
От дальней пушечной пальбы.

III

За окном осталась Нева,
Я уже не смотрю на нее.
Предо мною стоит синева -
Как же я не видала ее?
Синева итальянских гор,
Милой жизни синий простор.

Мы потом поедем туда,
Кончим школу - поедем туда,
Мы всем классом поедем туда.
Непременно поедем туда.
Это будущего глаза -
Эти ясные небеса.

В синем облаке склоны гор.
И она синевой залита.
Над младенцем склонила пробор,
Наклонила лицо чистота.
Над младенцем склонила взор,
Вся в блаженстве небес и гор.

Ножки бархатные у него.
Вот бы нам искупать его.
Вот бы нам домой его,
Насовсем, навсегда его.
Тихо, тихо глядит она,
Тише, чем сама тишина.

Унеси же его, унеси,
Что же ты сидишь и глядишь?
От бессонных убийц спаси,
Будет распят твой милый малыш.
В синеву свою заверни
Эти маленькие ступни.

Ты горами его заслони,
А не то найдут и распнут.
Эти маленькие ступни
Заржавелые гвозди пробьют.
Зарыдает твоя любовь:
Это ржавчина или кровь?

Ничего не сказала ей.
Я еще не знала тогда,

Не видала еще детей,
Чьи глаза - не глаза - города.
В этих, видишь, Воронеж горит.
Из пожарищ они глядят.
Эти - оледенели. Молчит
Город-морг. Молчит Ленинград.

Ежедневные торжества
Азиатских пустых небес,
Соловьиная синева
И снегов на вершинах блеск -
Это новая рана им,
Им потерянным, им ничьим,
Им, не мертвым и не живым,
Недобитым детям твоим.

IV

Там лестница влажной прохладой
За плечи меня обоймет
И важной своей колоннадой
Спокойно наверх поведет.

Хранитель богинь и героев,
И мумий и звонких могил,
Он летом, средь пыли и зноя,
Хранителем холода был.
Оставив шпаргалки, зачеты,
Я в сумрак его прихожу,
Все кажется встречу кого-то,
И как-то без толку брожу.
И лестницы тяжкой ступени,
Колонн неподвижный полет,
Томит и глаза и колени,
Как в будущее восход.

Паркеты скрипят под ногою.
В Италию я не вошла.
Не веришь за окнами зною,-
Такая в Испании мгла.
В коричневой тьме инквизиций
Угрюмый покоится зал.
Мадонны одной бледнолицей
Меня удержали глаза.

Ей даже воздух тронуть больно.
Бровям печали не поднять.
Я отодвинулась невольно –
Мир от нее не заслонять.
Опущены глаза, но видят:
Дорогу видят, воронье,
Людей, которые обидят
Упрямца милого ее.
В бессонном сне ей снятся, снятся,
Следы в пыли и вой камней.
Ей тоже, кажется, семнадцать,
Не больше, кажется, чем мне –
Но в тьме такое разглядела,
Такое видит впереди,
Что сына худенькое тело
Не смеет прижимать к груди.
Над сыном цепенеют пальцы –
Любимого нельзя спасти –
Напрасно худенькое тельце
Ты станешь прижимать к груди.

Расслышала ль она молчанье
Ночей, - там, у ворот тюрьмы, -
Где в тайном чаянье прощанья
Год молча простояли мы?
Машины каждую минуту
Сворачивали от моста
И кто-то прошептал кому-то:
"Опять сюда. Опять сюда."

Сюда... И нас пронзив огнями
Бесшумно замедляет ход...
Не ты, не ты ли вместе с нами
Молчала около ворот?
Она томится без названья
Та гибель, та немая ночь...
И бомбам не взорвать молчанья!
Молчать невмочь и петь невмочь.
Я помню осенью на Каме
Почтовый ящик над рекой,
С облупленными боками,

И вдруг старуха закрестилась
И перед ним на мостовой,
В пыль на колени опустилась -
Она ему, ему молилась,
Письма просила у него.

И я готова помолиться
И ящику и небесам,
И тополям, и вольным птицам,
И мертвых светлым голосам -
О жизни мальчика родного,
Увиденного в раннем сне,
Младенце-слово, Боге-слово...
В какой сейчас он стороне?
Не он ли там, вдоль стен из глины,
Бредет все голоден, все бос?
Хлебнуть от мутных вод чужбины
Ему сегодня довелось.
Но я не верю, я не знаю,
Не верю в крест, не верю в меч.

К тебе я руки простираю,
О, человеческая речь!
Вот он бредет, усталый мальчик...
О чем заводит песню он?
Что если б этот мальчик-с-пальчик
К спасенью был приговорен!

Ташкент-Москва-Ленинград-Москва
1943-1944

... Он ведь только прикинулся страшным
Этот мир, чтобы ты испугалась.
Осени себя счастьем вчерашним,
Вспомни братство и море и жалость.
Он еще над тобою заплачет
Как мальчишка над птицей своею,
На груди полумертвую спрячет
И дыханьем своим отогреет.

Не забудь же о будущем, память!
Словно я выхожу со свечою
На крыльцо, заслоняя пламя...
Темной тропкой иду со свечою,
Заслоняя хрупкое пламя.
Еле-еле колдует пламя,
Задуваемое темнотою.

март, 1944

Скучно, а главное силы
Нету уже ни на что.
Хоть бы привет из могилы,
Голос какой или что.
Жизнь как ломоть очерствелый
Тихо лежит в стороне.
Может быть время приспело
Город увидеть во сне?

Не тот, который молча убивал
Злорадно нам заглядывая в очи,
Не тот, который молча умирал
В глубоком обмороке белой ночи, -

А город отрочества моего...
Ведут к воде нагретые ступени,
Я вниз иду, не зная для чего,
И брызги на щеках, и ноги в пене.
Плывут мосты и облака плывут.
Вот-вот и я... Скорей наверх взбегаю
И камешки в державную Неву
Как в речку деревенскую бросаю.

А там мечеть. Ее голубизна
Сверкающая, светлая такая,
Почти совсем на небе не видна
Такая же, как небо, голубая.

июнь, 1944

Из туннеля как дух вырывается
Настигаемый грохотом свет.
Вот он мечется, вот растворяется,
Растворился, его уже нет.
Знаю все, знаю слово: губительно.
Но не надо меня утешать.
Только б светом, вот так же стремительно
Перед жизнью твоей пробежать.

сентябрь, 1944

КЛАДБИЩЕ В ЛЕНИНГРАДЕ

Зеленью кудрявятся могилы.
К тишине прислушайся, - вот-вот,
Сквозь зеленый шорох голос милый
Ласково и строго позовет.
Здравствуй, зеленеющее слово!
Маленькие робкие ростки.
Вот они шумят и ропщут снова
Гибели безгласной вопреки.

1944

Уже я предалась покою,
Снежку, безделию, делам.
Уж различаю под землею
Все станции по фонарям
Уже я впрямь москвичкой стала
Да, "мой удел на все похож";
Цитаты: "сердце уставало";
И: "сердце мне сломила ложь", -
А ты опять начать сначала
Судьбу высокую зовешь.

Моя судьба тобой творима -
Так было, так и будет впредь.
Но я молюсь:"Да и́дет мимо!
Пусть если можно, и́дет мимо!"

Но нет. Судьбы не одолеть.

Москва
январь-февраль, 1944

Мы расскажем, мы еще расскажем,
Мы возьмем и эту высоту,
Перед тем, как мы в могилу ляжем,
Обо всем, что совершилось тут.

И черный струп воспоминанья
С души без боли упадет,
И самой немоты названье
Ликуя, рот произнесет.

1944

В трамвае, запечатанном морозом,
Я ехала сквозь ругань, сквозь Москву.
/Авоськи, спины, злость, толчки, угрозы/
И все-таки мечтая наяву -
Что если бы - вот только дверь открою! -
А там полно и мачт и парусов,
И сосны темные и море вновь со мною.
И ветер - брат убитых голосов!

Москва
февраль, 1945

Среди площадной и растленной -
Из всех рупоров, наизусть!..
Ты вправду бываешь надменной,
Лишенная голоса грусть.
Беззвучна - а громче салюта.
Ты жизнь обняла, как вода -
Глубокой печали минута,
Пока я жива - навсегда.

март, 1945

Израненны крылья, повисли,
Глаза не хотят, не глядят...
И вдруг, как предчувствие мысли,
Румянцевский добрый фасад.
Под маленькой лампой зеленой,
В свечении лиц и страниц,
Я снова очнусь окрыленной,
Полету не зная границ.

март, 1945

Слово мир - а на душе тревога.
Слово радость - на душе ни звука.
Что же ты, побойся, сердце, Бога,
Разумеешь только слово: мука?

Все стучишь: страшна зима в Нарыме.
Магадан, Потьма, Норильск, Освенцим.
Если б можно было память вынуть,
Не рассказывать про это детям!

Но без ладанки стучится в грудь -
Память, трепет, пепел: не забудь!

май, 1945

Теперь я старше и ученей стала
И прятаться умею от тоски.
А может и она слегка устала,
И ей за мной гоняться - не с руки.
Как бы там ни было, мы разминулись с нею
И я о том, конечно, не жалею.

Но было что-то доблестное в ней,
Пронзительное что-то и живое,
Как белой ночью очерк кораблей...
Сказать короче - что-то молодое.

Теперь она ушла и горе увела.
Но горе было все, чем я жива была.

июнь, 1945

С тех пор, как я живу ничья
В суровом вихре лет -
Легко струится жизнь моя,
Но жизни больше нет.
Она осталась за чертой
Далекой той весны,
Улыбки той и песни той,
Что в прах превращены.

май, 1945

Мне б вырваться хотелось из себя
И кем-нибудь другим оборотиться.
Чтоб я - хотя б на миг один! - была не я,
А камень или куст или синица.
Ведь куст не помнит города того.
Квадратных труб из моего окошка.
Он вообще не помнит ничего.
От памяти я отдохну немножко.
А там опять - в постылый, мертвый путь.
Иду, иду, иду - а все на месте.
Никак за угол тот не завернуть,
Где страшные меня настигли вести.

февраль, 1946

И маленький глоток свободы на ночь
Из милой книги наскоро хлебнуть.
Усни, усни... Разбудят утром рано.
Закрыта книга. Пробую уснуть.
И вот пошло - заныла, закачала,
Медлительная, ласковая мгла
И жизнь моя вся началась сначала,
Но не такой, какой она была.
Все те же камни, те же волны, птицы,
И обещанья шумные лесов.
Но властью сна дано осуществиться
Пророчеству нестройных голосов.
Любовь не раной, а самой любовью.
Доверчиво она не ждет конца.
И слава наклонилась к изголовью
В тюремной тьме не кутая лица.
И прежний дом мне стал как прежде домом,
В чьи окна мне не боязно взглянуть,
И не до слез, а просто мне знакомым
По милым улицам к нему обратный путь.
Не ужас там живет и слова просит.
Там девочки глаза, а не тоски.

Но тут рассвет свои поправки вносит
И новый день меня берет в тиски.

1946

Переулками в библиотеку
Ранним утром по снегу иду.
Много ли и надо человеку!
На минуту позабыть беду,
Увидать, какой земля укрылась
Неприкосновенной белизной...
Ты не тай, останься, сделай милость,
Белый снег, еще побудь со мной!

Варежку сниму. Сугроб поглажу.
Будто детство и лесная тишь.
Весь в сугробах, в солнце весь овражек.
Хлопанье и быстрый посвист лыж.

1946

Я очень устаю от телефона,
От радио, от злости за стеной.
А мне бы на губах волны соленой
Невкусный вкус, когда кипит прибой.
А мне бы пышный шум сосны зеленой,
Колдующей над бедной головой.

Они еще над морем вьются, чайки,
Крылатые подруги парусов.
В прибрежной роще птенчики-всезнайки
Галдят и падают в дремучий лес цветов.
И по камням, торчащим на лужайке,
Плывут, как прежде, тени облаков.

1946

НАД КНИГАМИ

Каюсь, я уже чужой судьбою
Вымышленной - не могу дышать.
О тебе и обо мне с тобою
И о тех, кто был тогда с тобою,
Прежде, чем я сделаюсь землею,
Вместе с вами сделаюсь землею,
Мне б хотелось книгу прочитать.

1947

Какую я очередь выстояла -
Припомнить и то тяжело,
Какой холодиной неистовою
Мне бедные руки свело.
Какими пустынными стонами
Сквозь шум городской он пророс,
Далекими, смутно-знакомыми,
Бензином пропахший мороз!
Какие там мысли обронены
И ветром гудят в проводах.
Какие там судьбы схоронены
В широких безмолвных снегах.

1947

Я не посмею называть любо́вью
Ту злую боль, что сердце мне сверлит.
Но буква "М", вся налитая кровью,
Не о метро, а о тебе твердит.
И семафора капельки кровавы.
И дальний стон мне чудится во сне.

Так вот они, любви причуды и забавы!

И белый день - твой белый лик в окне.

1947

В один прекрасный день я все долги отдам,
Все письма напишу, на все звонки отвечу,
Все дыры зачиню и все работы сдам -
И медленно пойду к тебе навстречу.
Там будет мост - дорога из дорог -
Цветущая большими фонарями.
И на перилах снег. И кто б подумать мог?
Зима и тишина и звездный хор над нами!

1947

И не в тюрьме, и не в больнице,
На воле, на своих ногах.
Но дурно естся, трудно спится,
Не покидает душу страх.
Душа его одолевая,
Как Зоя по снегу идет,
Своих тихонько призывая.

Но пуст холодный небосвод.

1948

И все-таки я счастлива бываю.
Не странно ли о счастье говорить?
Я путаюсь, сбиваюсь, я не знаю
Каким стихом тебя определить.

Ты не весна. В холодное жилище
Давно уже нет доступа весне.
Ты не любовь. Меня испепеливши
Любовь забыла думать обо мне.

Спокойно, друг! Спокойное дыханье,
Хотя дышать чем дальше, тем больней,
Хотя судьбы ясны предначертанья...

За ясность я и благодарна ей.

1950

ТИШИНОЮ СТОНЕТ ДОМ

I

...Был он подвига достоин.
"Да, умремте под Москвой!"
Русской сказки щедрый воин,
Не вернувшийся домой.
Был он битвы удостоен:
Честно умер под Москвой.

Мы ж не битвы - пытки знали.
В злом году тридцать седьмом
Агента́ печати клали,
Половицы подымали
В доме праведном моем.

Что война? Мне было хуже:
День за днем, за годом год,
Знать, что там пытают мужа,
Задыхаться у ворот.

Где сыщу его могилу?
Где прошепчет мне трава,

Повторяя голос милый:
- Ты зачем еще жива?

Тише, тише, тише, тише!
Тишиною стонет дом.
Тише мыши, кот на крыше
В доме праведном моем.

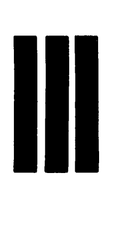
II

Но бешенством звонка пренебрегая,
Советами друзей не дорожа,
Я слушаю, как песенка другая
Под снегом дышит, тайно ворожа.
Благодарю, колдунья дорогая,
Снегов, пространств упорная душа!

Не назову тебя высоко: "лира"
Или "цевница". Дело не в словах!
Ты дальний отзвук тишины и мира
В моих слыхавших грохоты ушах.
А впрочем, что ж! Подхватим песню, лира,
Пока звонок не прозвенел в дверях.

Нам долго ль петь? Того никто не знает.
Нам каждая минута дорога.
То реченька тихонько набухает
И растопляет мутные снега.
И соснами, и кручами играет
И в синеве купает берега.

1951

...И этот страшный, желто-черный,
Изглоданный страданьем лик.
Лежит в недвижности упорной
Сердитый маленький старик.
Скорей забыть и лба покатость,
/О ты ли это, бедный друг?/
И этих губ запавших сжатость,
И ледяную тяжесть рук.
/Да, эти губы много лгали,
Когда случалась в том нужда,
Прежде чем сжались и запали
И замолчали навсегда./
И помнить только лес - и нежный
Деревьев первозданный дым
И голос твой - горячий, прежний,
Задором полный молодым.

1952

СНОВА МАЛЕЕВКА

Четыре ели великанши,
Четыре хмурые сестры,
Молчат все там же, где и раньше,
На склоне медленном горы.
И тишиной усыновленный
Все также тикает движок,
Что для меня во тьме зеленой
Свет ранний в деревнях зажег.
И я иду, глазам не веря.
А даль все так же хороша.
Закат распахивает двери
Во что-то глубже, чем душа.
И повинуясь приказанью,
Гляжу без боли и без слез,
Разоружив воспоминанья,
На тени светлые берез.

1953

...Опять чужая слава
Стучит в окно и манит на простор.
И затевает важный, величавый,
А в сущности базарный разговор.
Мне с вашей славой не пристало знаться.
Ее замашки мне не по нутру.
Мне б на твое молчанье отозваться,
Мой дальний брат, мой неизвестный друг.
Величественных строек коммунизма
Строитель жалкий, отщепенец, раб,
Тобою всласть натешилась отчизна, -
Мой дальний друг, мой неизвестный брат!
Я для тебя вынашиваю слово.
День ото дня седее голова.
Губами шевелю - и снова, снова
Жгут губы мне, не прозвучав, слова.

январь, 1953

"ЛЕНИНГРАД - МОСКВА"

...А рядом боль моя лежала,
В той старой папке, в стороне.
А мимо родина бежала
В глаза заглядывая мне.
Она не пристально глядела.
Так, мимоходом, васильком
Да огоньком. Ей много дела
В дому неприбранном своем.
Со стен смывает крови пятна, -
/Для новых пятен, может быть/.
Из недр ведет сынов обратно, -
/Не всех успела пристрелить/.
И снова, как во дни былые,
Во дни застенка и войны,
Не до меня моей России -
Мои ей боли не больны.
Но где-то там, за поворотом,
Там, там, ручаюсь головой,
За пропастью, за горным взлетом,
За кладбищем верней всего -

Она разыщет папку эту
И боль своею назовет
И голосом, подобным свету,
Мои слова произнесет.

1956

В ПОЕЗДЕ

А за окном опять они
Дрожат и требуют участья
Всегда печальные огни,
Всегда утраченного счастья.

Сегодня в ночь - про что они?

Они глаза вестями колют.
Правдивыми не в бровь, а в глаз.
Они летят навстречу боли,
Томящей их, горящей в нас.
Узор огней - вестей бесценных,
Что там, сквозь топи и леса,
Что в этих далях несравненных
Замученных и убиенных
Еще безгласны голоса.

И мы клянемся на прощанье
/Как будто существует Бог!/,
Что словом станет их молчанье
И воплем их предсмертный вздох.

1956

28 ОКТЯБРЯ 1958 ГОДА

Я шла как по воздуху мимо злых заборов.
Под свинцовыми взглядами - нет, не дул, а глаз.
Не оборачиваясь на шаги, на шорох.
Пусть не спасет меня Бог, если его не спас.
Войти - и жадно дышать высоким его недугом.
/Десять шагов до калитки и нет еще окрика "стой!"/
С лесом вместе дышать, с оцепенелым лугом,
Как у него сказано? - "первенством и правотой".

Переделкино

Как на ладони, как на блюде,
Одолевая забытье,
Вдруг поднесли чужие люди
Мне детство зимнее мое,
Я их об этом не просила,
Ни пианиста, ни кларнет,
Но музыка сама включила
Над прошлым стосвечевый свет -
И звуки, щупая дорогу,
Как фары, иглами огней
Нашли полянку-недотрогу
И тишину и след саней.

февраль, 1959

ПОПЫТКА ЛЮБВИ

/1955 - 1962/

I

От звонка до звонка
Я живу, словно лагерным сроком.
И большая рука
Прикоснется к моей ненароком.
И большие слова
Прозвучат на прощанье в передней.
И болит голова
От несбыточных сбывшихся бредней.

II

Это сердце устало,
А не я.
Я-то жива еще.
У меня еще ночи и дни впереди.
Я опять начинаю сначала
Старую песню.
Молча прошу тебя:
"Не уходи".

III

Сердце сахаром кормить.
Капельки на сахар капать.
Не звонить, не ждать, не плакать,
"Не расстраиваться. Жить."

Проку в этом никакого
Я не вижу, милый друг.
Жизнь - безжизненное слово.
Ты сказал пустое слово.
Омертвело все вокруг.

Снова жить и верить снова?

Нет!

Но ничего другого
Не придумать, милый друг.

IV

И каждую секунду забывая
Зачем вошла сюда, зачем открыла газ,

Хватаясь за стены, за двери, как больная,
Я вдруг воды под краном напилась
И вспомнила, что я не пить хотела,
В десятый раз не чайник вскипятить,
А положить предел - ведь боли нет предела -
И газом жажду утолить.

V

Я не в окно гляжу - в свою судьбу.
Я трезвость утра прижимаю к лбу.
Ведь нелюбви твоей она сестра -
Квадратная законченность двора.

VI

Я сама выбирала: свободу, а не победу.
Я сама захотела: не под колеса, не в пруд,
А на волю.
Оставив себе напоследок
Разве только болезнь и бесполезный труд.

Потянулись века не разлуки и не разрыва,

А конца... Это детские игры: разрыв.
А конец - что венец. Он венчает мой путь молчаливо.
Хотя я недобита, а ты еще, кажется, жив.

VII

Через двенадцать лет

Посмотри, посмотри на померкшие окна мои.
Погляди, погляди в эти проруби мертвого дома.
Не припомнишь ли ты еще зрячие очи мои
В папиросном чаду на страницами первого тома?

Как работаешь, друг? Как перо поживает мое?
Мой подарок тебе, замирая над новой страницей.
Воробей на окне - замолчавшее слово мое -
Не прикинется ль вдруг улетевшею синею птицей?

...Всегда со мной
Моя бессонница, моя тревога,
Мой труд - и дом и вечная дорога,
Сквозь шумный мир, смиренный тишиной
Мир отпустил, мир отступил немного,
И есть и нет. Тень ветра у порога.
Иль смутный "чижик пыжик" за стеной.

1960

Я никем не хранима.
Я только судьбой хранима.
И если бомба мимо,
И черный ворон мимо -
Это *она* захотела
Сберечь мою душу и тело,
Для какого-то дела,
Мне неизвестного дела...
Это *ее* дело.

декабрь, 1961

IV

ЕЩЕ МОГУ

/1962 - 1965/

I

И вечно, то бросают, то скребут,
Лопатами большими загребая -
И в грязном городе рождественский уют.
Проснешься - там уже скребут, еще скребут
Сон или детство смутно продолжая.

II

А друзья еще живы.
Еще руки теплы, голоса еще молоды,
Еще можно кого-то обрадовать:
"Это я говорю, это я!"
Торопись дозвониться
И за руки взявшись, уехать из города.
Торопись повидаться.
Они еще живы, друзья.

III

И те дома еще стоят
На том же самом месте,
И те мосты еще летят,
Где мы бродили вместе,
И я на том же берегу,
Где та волна бурлила,
Еще могу, еще могу
Потрогать те перила.

IV

А ночью мне приснился ты
В обличье прежнем. Ты ли, ты ли?
Мы поднимались на мосты,
Стихов на гребни восходили.
По набережным, площадям,
Мы шли стихами, как попало,
И девочка навстречу нам
Живою рифмой выбегала.

ВНУТРИ ЗАРИ

I

Когда я думаю об этом городе
Помню: горе.
Когда я думаю об этом городе
Вижу: зори.
Когда я думаю об этом городе
Чую: море.

Город зорь.
Ветра морского,
Горя людского –
И моего.
Мой город.

II

Он расположен где-то
Внутри зари.
Город боли и света –
Боли. гори!

Он расположен где-то

        Внутри меня,

Память пронзая светом

        И леденя.

III

Река не золотые сны

Колеблет - золотые шпили.

Как будто я лежу в могиле

Откуда ангелы видны.

май, 1965

...Но я еще помню живого простора громаду.
"Правее!" Большая рука на моей на весле.
Какой-нибудь час, и мы подойдем к Ленинграду.
Руке моей больно в мозолистом, жестком тепле.

1960

Настала бы она под шум вот этих волн,
Когда душа полна не памяти, а сна.
Под колыбельный шум, который детства полн,
Под корабельный плеск настала бы она.

Комарово
1964

Летит, серебрится снежок.
Квадратная ходит лопата.
Опять этот снежный ожог, -
Снег, неба с землею расплата.
За праздно пролитую кровь
Не будет ни мзды, ни прощенья..
Небесная сыплет любовь -
Снег, белое это забвенье.

Москва
1965

По тропинке моей ко мне идет кто-то.

Это моя слепота шалит, там никого нету.

Переделкино

1966

И наконец самой собою
Я заслужила право быть.
Стучать о стенку головою,
Молиться или просто выть.

Надежда - поздно, слава - поздно,
Все поздно, даже быть живой...
Но, Боже мой, как звездно, звездно...
Лес. Я. Звезда над головой.

август, 1966

Маленькая, немощная лира.
Вроде блюдца или скалки, что ли.
И на ней сыграть печали мира!
Голосом ее кричать от боли.
Неприметный голос, неказистый,
Еле слышный, сброшенный со счета.
Ну и что же! Пусть бы только чистый.
Остальное не моя забота.

1968

СТИХИ БРАТЬЯМ

/1968 - 1971/

I

Эти горькие, твердые губы
Губы в губы пронзили меня.
Словно дальние властные трубы
На погибель позвали меня.
Я иду.

II

Чья там гибель? Твоя ли, моя ли?
Вместе ль будут иль порознь мстить?
Мы на весь горизонт просияли:
За сияние надо платить.
Чем расплатимся? Каторгой вечной
По обычаю, на руднике.
Или попросту мышцей сердечной,
Стуком в дверь, замолчавшим в руке.
Но так близко подходит расплата
/Так к окну подступает вода/,
Что горячим дыханием брата
Надышаться спешу навсегда.

III

Научись улыбаться в остроге.
/"А до смерти четыре шага"/.
С неумышленной мыслью о Боге,
С неупомненной строчкой стиха,
С ненадежной надеждою зыбкой
/Помереть, так уж лучше во сне/.
С незаслуженной встречной улыбкой
Щедрой - вдруг обращенной ко мне.

IV

Мы опять повстречались, деревья и снег!
Я люблю вас, пушистые ветки.
Одиночество словно родной человек.
На сугробах колючки и метки.
Мы с тобою еще помолчим, тишина!
Белым снегом умоемся, совесть!
По следам разберемся, про что там она -
Пережитого вьюжная повесть.

V

А счастье - это голоса
Любимых в комнате соседней.
В последний раз иль в предпоследний
Моих любимых голоса.

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ

I

Окончено одиночество.
Теперь нас никто не разлучит.
Когда я хочу - я вижу.
Когда я хочу - я слышу.
Опять мы всегда вместе:
Ты к морю и я с тобой.
Опять мы тащим песками
Звенящую кладь уключин
И ты управляешь как в детстве,
Как в море моей судьбой.

II

А здесь наверно хорошо лежать.
    Как до рожденья или в колыбели,
Когда еще до жизни птицы пели,
    И *после* жизни - спи! - поют опять.

III

В домике скворца живут бельчата
На березе, за твоим окном.
Ты на них поглядывал когда-то,
Поднимая руку над письмом.
    И береза излучает свет
    Глаз твоих, которых больше нет.
    В белый ствол она вбирала свет,
    Много лет она вбирала свет
    Глаз твоих, которых больше нет,
    И сегодня возвращает свет
        Твой - нам.

1970-1974

Я так боюсь прекрасных Ваших фраз.
Не глаз, а фраз. Ведь слово это слово.
Я столько раз, - уже в который раз!
В кровь разбиваюсь о пустое слово.

"Вы будете смеяться, господин учитель".

Из анекдота

Я слышала, слышала, слышала эту словесность.
Я знаю до точки все правила этой игры.
Она мне знакома, как эта постылая местность
До мокрой скамейки, до каждой кротовой норы.
Но я как Джульетта, которой сегодня семнадцать,
/Мне нынче под семьдесят/ я расцвела и пою...
- Товарищ учитель! Вы будете очень смеяться:
Хочу, чтобы жизнью платили за слово "люблю".

СЕРДЦЕ НОЧЬЮ

I

Бессонницу благословляю.
Утраченной жизни черты
Отчетливей я различаю
При свете ночной темноты.

Ну что же сказать в оправданье?
Она не из легких была.
А впрочем к чему причитанья?
И то хорошо, что прошла.

И вот уже стонет четыре
Сквозь чей-то соседский уют.
А тени в предутреннем мире
Шатаются, шепчут, живут.

Ленинград
март-апрель, 1941

II

Затихает город за окном.
Звук трамваев тихо умирает.
Ну, а сердцу это нипочем.
Все равно оно не засыпает.
Все стучит, стучит, зовет вперед
Раненое, загнанное тело.
Ни за что укрыться не дает
В сон - куда я так спастись хотела!

Москва
1946

III

Протяжный шорох отдаленный:
За лесом поезд пролетел.
Там кто-то, как и я бессонный,
Пытает тьму про свой удел.
Но там огнями и огнями
Ему откликнется стекло.

Здесь лес и я. И между нами
Молчанье ночи залегло.

Переделкино
1960

IV

Все спешит, спешит, спешит и ухает.
Хватит, сердце! Слишком много лет.
Словно колокол в груди беззвучно бухает.
Звука - нет.

Все спешит, спешит, спешит, торопится.
А куда? На человечий суд?
Каждый перед нами посторонится:
Гроб несут.

Переделкино
февраль-март, 1973

А.Я.

Вы с нами ехали или одни?
Домой Вы ехали или из дома?
А впереди заздравные огни,
Загробные огни аэродрома.
По очереди все мололи вздор,
"Бензину, что ли, выпить после водки?"
Вы вслушивались в глупый разговор,
Переводили с губ на губы взор,
Как будто бы из-за перегородки.
И вот оно: шоссе, деревья, мост.
Молчание теснило всех в машине.
Разлука поднималась в полный рост.
Вы озирались, словно на чужбине.
А я ждала. Бог весть чего. Свистка
Орудовцев. Сама не знаю. Чуда.
В руке Вашей дрожит моя рука.
/Рукопожатье *через* и *оттуда*/.
В руке Вашей моя рука, кольцо...
И синий камень дарит Вам сиянье.
Но вглядывались Вы в мое лицо
Уже как бы с большого расстоянья.

сентябрь, 1973

Т.Л.

ОТКРЫТКА

"Сухуми, гостиница Рица".
И море шумит тяжело.
Готова я Богу молиться,
Чтоб не было Вам тяжело.

Но нет всемогущего Бога,
А есть всесжигающий труд.
Пускай же уймется тревога,
Когда Вы возьметесь за труд.

А море - оно дружелюбно,
Хотя и шумит тяжело.
Безбрежно оно и безлюдно,
Чтоб не было Вам тяжело.

ноябрь, 1974

Научись говорить: "нет" и "да".
Научись "никогда" и "навсегда".
Перемен не бывает
/едва дыша,
я шепчу/,
если только жива душа.
Ну, а если скончалась, картинки смотри.
Я тебе на мильон предлагаю пари:
Перелистывай жизнь - и не рай и не ад,
А уж верно найдется эрзац, пластикат.

Живем, не разнимая рук.
  Опасности не избегая.
Обыденное слово "друг"
  Почти как "бог" воспринимая.

Увы! все реже на пороге
Хранительные эти боги.

декабрь, 1974

Я разлюбила дружбу и друзей.
Нет, не друзей, а что-то, что-то, что-то...
Какая-то своя, своя забота
Меня отъединяет от людей.

Не по руке урок мне. Помогите.
Я помощи прошу, а не похвал.
Темным-темно, я слепну, помогите!

А если недосуг вам - отойдите.
И дальше, дальше, даже убегите.

Я помашу тому, кто убежал.

1975

ДВА ЧЕТВЕРОСТИШИЯ
/1973 - 1975/

I

Аэродром похож на крематорий.
В обоих по два "эр" и горе, горе, горе...
Но есть отличие от похорон:
Покойник жив и в судорогах он.

II

Россия уезжает из России...
"Счастливый путь! И даже навсегда -
Счастливого пути!"
А нам - беда.
Но и беда не чья-нибудь: России.

Ежедневные обряды
Разудалых похорон.
За него мы рады, рады:
Хорошо, что он спасен!

Рюмок звон, гитары звон.

Впереди работа, слава
И достаток, может быть.
И оправданное право:
Быть.

1975

В этом доме я могу повеситься
На гвозде любимой фотографии.
Каждая ступенька этой лестницы
Пострашнее вашей грозной мафии.

1975

Очень длительно и старательно
Лил и капал и капал дождь,
Даже чуточку назидательно:
Ты зачем все чего-то ждешь?
То письма, то справедливости,
То конца, наконец, труду.
Никакой не дождешься милости!
Дождь как дождь. Иду и иду.

1975

Дом притворился обитаемым -
Притворный дом, обманный дом.
Давно покинутый хозяином,
Когда-то обитавшим в нем.
Мне просто не хватает мужества
Под вечер музыку включить.
Она сосредоточье ужаса,
С ней рядом невозможно жить.
Она поставит под сомнение
Все, даже память о былом.
И рухнет он в одно мгновение -
Объятый музыкою дом.

май-декабрь, 1975

Сверкнет, начищенный до блеска,
Валютный купол в небесах,
Над злым раззором деревенским,
Подъемля красоту и страх.
Сияя искреннею верой
И показухой золотой...
Нет, лучше купол неба серый,
Над серой, серой, серой, серой,
Над Богом брошенной землей.

1975

Я как скорую помощь
Вызываю из небытия
Твою память на помощь,
Твою память, что я - это я.
Может, это поможет
Сквозь позор немоты,
Может, вспомнить поможет
Мне, что ты - это ты.

январь, 1976

Лыжная тропка спустилась к реке,
Белая в белом.
Что мне сказать на моем языке,
Оледенелом?
Как уловить зов тишины?
/Смерти примета/.
Самая здесь белизна белизны
Белого света.

СОДЕРЖАНИЕ

I

II

Joseph FLOCH, Maître-Imprimeur à Mayenne - 21-3-1978 - nº 6293

НОВАЯ СЕРИЯ ПЕРЕИЗДАНИЙ

В эту серию войдут книги литературного, общественного и религиозно-философского содержания давно распроданные, а вместе с тем, по значению своему и качеству, необходимые широкому кругу читателей.

1 — К. МОЧУЛЬСКИЙ — Духовный путь Гоголя. (Париж 1934), 150 стр.

2 — В. ХОДАСЕВИЧ — Некрополь. (Брюссель 1939), 280 стр.

3 — Э. ГОЛЛЕРБАХ — В. В. Розанов. (Петроград 1922), 112 стр.

4 — М. ЦВЕТАЕВА — После России (1922-1925). Стихи. (Париж 1928), 160 стр.

5 — Сергей БУЛГАКОВ — Тихие думы. Из статей 1911-1915 г.г. (Москва 1918 г.), 204 стр.

6 — Ф. ТЮТЧЕВ — Политические статьи. (С.-Петербург 1900 г.), 178 стр.

7 — К. ЧУКОВСКИЙ — Книга об Александре Блоке. (Берлин 1922 г.), 170 стр.

8 — А. РЕМИЗОВ — Огонь вещей. (Париж 1954 г.), 232 стр.

9 — ЛИК ПУШКИНА. Три речи: о. С. Булгакова, А. Карташева, В. Ильина. (Печоры 1938), 48 стр.

10 — Б. НОЛЬДЕ — Юрий Самарин и его время. (Париж 1926 г.), 248 стр.

11 — О религии Льва Толстого. Сборник статей. (Москва 1911 г.), 260 стр.

12 — Н. МЕТНЕР — Муза и мода. (Париж 1935 г.), 160 стр.

13 — Л. КАРСАВИН — Saligia. (Петроград 1919 г.), 80 стр.

14 — Н. АНЦЫФЕРОВ — Душа Петербурга. (Петроград 1922 г.), 232 стр.

15 — Кн. С. ВОЛКОНСКИЙ — Быт и бытие. (Париж 1924 г.), 232 стр.

16 — Памяти Блока. (Петроград 1922), 112 стр.